

Андрей Белый

ТРИЛОГИЯ • III

МЕЖДУ
ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ

МЕМОАРЫ

Москва, 2018

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б43

Белый, А.

Б43 Трилогия. Часть III. Между двух революций / А. Белый. – М.: T8RUGRAM, 2018. – 460 с.

ISBN 978-5-521-06974-3

Андрей Белый (1880–1934) – известный писатель Серебряного века, поэт, критик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма и модернизма.

«Между двух революций» – заключительная книга из мемуарной трилогии А. Белого, представляющая собой воспоминания 1905–1912 годов о встречах и знакомствах автора с известными лицами той эпохи в Москве и Петербурге, в Мюнхене и Париже. Особое место занимают любопытные зарисовки о Блоке, Чулкове, Ремизове, Серове и Комиссаржевской. Написанная невероятно образным, эмоциональным языком, эта книга будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-94
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-06974-3

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.....	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОМУТ.....	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИЗ ВИХРЯ В ВИХРЬ.....	9
ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДРАМА....	55
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ.....	97
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ГОДЫ ПОЛЕМИКИ.....	177
ГЛАВА ПЯТАЯ. С МОСКВОЙ КОНЧЕНО.....	295
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	377
ВВЕДЕНИЕ.....	379
ПЕРВАЯ ГЛАВА. АФРИКА.....	383
ВТОРАЯ ГЛАВА. ОПЯТЬ БОГОЛЮБЫ.....	423

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Настоящая книга «Между двух революций» есть необходимое продолжение двух мною написанных книг: «На рубеже» и «Начало века»; она — третья часть трилогии, обнимающей картину нравов и жизни моей до событий Октябрьской революции; первая часть ее, под названием «Омут», далеко не исчерпывает лиц и картины отношений с ними; пишучи второй том воспоминаний «Начало века», я не был уверен, что время позволит мне написать третий том; поэтому иные конфликты с людьми, разрешавшиеся позднее, для цельности показываемых силуэтов рисовал в кредит, переступая грани рисуемого времени; так, например, быт квартиры Вячеслава Иванова и сам Иванов, взятый в этом быту, относимы к 1909—1910 годам, т.е. к эпохе, которая явилась объектом описания этой части; то же надо сказать о Брюсове; или решительный тон осуждения Мережковского, осознанный мной позднее, дан уже в «Начале века»; и это потому, что я не знал, коснусь ли я последующих годов; разумеется, все эти картины быта и отношений, чтобы не повторяться, опущены в этой части; вместо них — сноски: «См. „Начало века“»; и потом, поскольку акцент внимания в третьем томе — общественные моменты, я опускаю множество литературных встреч, чтобы не обременить книгу ненужными эпизодами и каламбурами.

Но поскольку мой взгляд на общественность слагался под влиянием событий биографических, мне приходится в первых главах ввести и моменты интимные, влиявшие на весь строй моих отношений к действительности.

В первой части третьего тома воспоминаний («Омут») — удар внимания перенесен на Россию, особенно на Москву; во второй части — центр внимания: заграничная жизнь до и во время войны; лишь конец ее посвящен России накануне революции.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ОМУТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ ИЗ ВИХРЯ В ВИХРЬ

О СЕБЕ

Из этого тома воспоминаний я, автор, не выключаем; не выдержан тон беспристрастия; не претендую на объективность, хотя иные части воспоминаний несу в себе как отделившиеся от меня; относительно них я себе вижу с крючником, находящим в бурьяне гипсовые куски разбитого силуэта: «Вот он — нос „Белого“, разбитый в 1906 году: неприятный нос!.. А вот его горб». Самосознание напряженно работает над причинами собственных крахов; в анализе я могу ошибаться; например, степень гнева в полемике против Блока, Чулкова и Городецкого — зависела от искривления жестов; но что я был прав в принципе, руководившем полемикой, — за это держусь.

Лет через двадцать придут и скажут: «Горб Белого 1905 года остался у Белого 1932 года: в его суждении о горбе».

Так обстоит дело с кусками воспоминаний, которые видятся объективно; что же сказать о других, которые еще в растворе сознания и не осели осадком? Так: образу Александра Блока 1905–1908 годов противостоит сознанием отработанный образ благородного друга, помощника: в начале знакомства, в конце знакомства; образ же Блока эпохи ссор я не могу во имя хотя бы самоунижения из донкихотства вычистить, чтобы он блестел, как самовар.

Воспоминания, напечатанные в берлинском журнале «Эпопея» №—4 в 1921–1922 годах, продиктованы горем утраты близкого человека; в них образ «серого» Блока произвольно мной вычищен: себе на голову; чтобы возблистал Блок, я вынужден был на себя натянуть колпак; не могу не винить себя за «фальшь из ложного благородства».

Вторично возвращаясь к воспоминаниям о Блоке, стараюсь исправить я промах романтики первого опыта, «вспоминать» в сторону реализма; может быть, — и тут я не попал в цель; Блок 1906 года «не готов» в моей памяти; а как его выкинуть, коли он вплетен в биографию?

Начинаю со слов о Блоке и с того, с чем Блок того времени связан; капризные ассоциации в жизни каждого не поддаются учету; у Шиллера вдохновение связалось с запахом яблок; он клал их перед собою во время работы. Так: ссора с Блоком связана мне с темой революции, с мыслями о всякого рода террористических актах, — не потому, что и Блок сочувствовал революции; не ассоциация сходства, а противоположность мне сплела обе темы.

Революция и Блок в моих фантазиях — обратно пропорциональны друг другу; по мере отхода от Блока переполнялся я социальным протестом; эпоха писем друг к другу совпала с сочувствием (и только) радикальным манифестациям; в миги, когда заронились искры того, что привело к разрыву с поэтом, был убит Плевел и бомбою разорвали великого князя Сергея; в момент первого столкновения с Блоком вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкине»; я стал отдаваться беседам с социал-демократами, строя на них свой социальный ритм (ориентация Блока ж — эсеровская); в период явного разрыва с поэтом я — уже сторонник террористических актов.

Не был я, — черт возьми, — идиотом, чтобы отношение к революции измеривать «Блоками»; наоборот: кипение чувств и стихийная вовлеченность в события жизни Москвы (забастовка, митинги, задуманный бойкот офицеров, осада университета и т.д.) приподняли и тонус гнева на «косность» в Блоке, видившемся мне «тюком», переполненным всяческими традициями неизжитого барства; этот «тюк» я хотел с дороги убрать.

Революция связалась мне с Блоком не более, чем яблоко с поэзией; яблоки поэта вдохновляли к стихам; гнев же на Блока вдохновлял меня к выпадам против строя; я себе говорил: в каждом — неизжитой «мещанин», в которого надо лупить бомбами; «мещанина» в себе силится я изничтожить; Блок же его питал сладостями (в моем представлении): поклонением мамы и тетушки.

Подлинные мотивы поведения изживали себя в кривых жестах.

Чтобы понять меня в тот период, следовало бы знать условия моего детства, описанные в книге «На рубеже», и условия детства Блока, описанные книгой тетушки его [Биография Блока, написанная М.А. Беке-товой] марципановыми бомбошками в опрятненькой бонбоньерочке; «Боренька» рос «гадким утенком»; «Сашенька» — «лебеденочком»;